

Anastasioi Sinaitae Sermones Duo in Constitutionem Hominis secundum Imaginem Dei necnon Opuscula adversus Monotheletas / Edidit Karl-Heinz Uthemann // Corpus Christianorum. Series Graeca. Turnhout-Brepols, 1985. Vol. 12. CLXVII+200 p.

Nicephori Blemmydae Autobiographia sive Curriculum Vitae necnon Epistula Universalior / Cuius Editionem curavit Joseph A. Munitiz // Corpus Christianorum. Series Graeca. Turnhout-Brepols, 1984. Vol. 13. LV+156 p.

Anonymi Auctoris Theognosiae (Saec. IX/X) Dissertatio contra Iudaeos / Cuius Editionem Principem curavit Michel Hostens // Corpus Christianorum. Series Graeca. Turnhout-Brepols, 1986. Vol. 14. LXXX+310 p.

Очередные тома греческой серии *Corpus Christianorum* представляют ученому миру критические издания сочинений Анастасия Синаита, Никифора Влеммида и анонимного автора рубежа IX—X в. Первый из них включает три «Слова об устройении человека» и антимонофелитские произведения малоизученного автора VII в. Издание осуществил известный знаток патристических текстов К. Х. Утемани. В обширном предисловии он подробно анализирует рукописную традицию данных сочинений Анастасия Синаита. К. Х. Утемани отмечает наличие двух основных редакций их. Первая, пространная, отражена корпусом антимонофелитских произведений (включая и три указанные антропологические речи) Анастасия в рукописи конца XIII в. *Vaticanus gr.* 1409. Вторая редакция, краткая, содержит три «Слова об устройении человека» (из которых третья «Слово» является также сочинением, направленным против монофелитов) и представлена большим количеством списков X—XVII вв. Восемь из них содержат все три «Слова», а остальные (более двадцати) — в той или иной степени частичную традицию их (с. XXIII—L). Подобная пестрота рукописной традиции, относящейся к краткой редакции, ставит перед издателем данных текстов весьма сложную задачу — проследить и реконструировать основные этапы эволюции ее. Следует отметить, что с этой задачей К. Х. Утемани удачно справился. Анализ всех рукописей краткой редакции (с. LI—XCVIII) позволяет ему прийти к выводу, что все они восходят к одному архетипу (α), наиболее близко к которому подходит манускрипт X в. *Codex Laurentianus VII.1*.

Другая важная проблема, вставшая перед издателем текстов Анастасия Синаита. — взаимоотношение краткой и пространной редакций. По мнению К. Х. Утемани, вторая не является позднейшим продуктом византийского книгоиздательства, соединившего в единый корпус различные сочинения Анастасия Синаита. Как считает немецкий исследователь, более вероятно иное предположение: краткая редакция берет свое происхождение в пространной, хотя в Ватиканском кодексе и нельзя видеть изначальной формы последней: рукописная традиция

прошла достаточно сложный путь (с. XCVIII—CXXXIX).

Затем К. Х. Утемани обращает внимание на наличие схолий (две из них обширные) в кодексе *Laurentianus VII.1*. В одной из них, принадлежащей самому автору «Слов», тот ссылается на свою книгу о «Шестоднев». Это позволяет К. Х. Утемани коснуться спорного вопроса о принадлежности Анастасию Синаиту «Комментария на Шестоднев». На сей счет существуют среди современных исследователей две основные гипотезы. Одна из них высказана греческим ученым С. Саккосом¹, который считает, что и «Комментарий» и «Слова» написаны одним и тем же автором IX в. — синайским пресвитером Анастасием, получившим от С. Саккоса прозвище Аллегорист: по мнению греческого ученого, ему принадлежат всего 27 сочинений и, помимо прочего, он является редактором «Путеводителя» (произведения Анастасия Синаита). Вторая гипотеза высказана католическим исследователем И. Д. Баггалли²; согласно его точке зрения, автором «Комментария на Шестоднев» является анонимный писатель середины XII в., которого нельзя путать с Анастасием Синаитом.

Обе эти гипотезы не удовлетворяют К. Х. Утемани; более вероятным ему представляется предположение, что мы имеем дело с различными этапами литературной деятельности одного и того же автора — Анастасия Синаита, прожившего долгую жизнь (610—701). Одно из основных своих произведений («Путеводитель») он создавал на протяжении многих лет, придав ему окончательную форму в 686—689 гг. Первоначально Анастасий написал два «Слова об устройении человека», затем присовокупил к ним третье «Слово» и выпустил в свет «Комментарий на Шестоднев». Последним этапом было соединение Анастасием своих разрозненных антимонофелитских произведений в единый корпус и снабжение их схолиями (с. CXXXIX—CL). В заключение предисловия К. Х. Утемани останавливается на гипотетически реконструируемом им архетипе (ω) обеих редакций, издаваемых в том сочинении, отмечая его значение для восстановления подлинного текста данных произведений (с. CL—CLXVII).

¹ *Sakkos S. N. Peri Anastasion Sinaiton. Thessaloniki, 1964.*

² *Baggally I. D. The Conjugates Christ-Church in the Hexaemeron of Ps.-Anastasius of Sinai: Textual Foundations and Theological Context. Roma, 1974.*

Таким образом, рецензируемый том, как и предшествующее издание К. Х. Утеманном «Путеводителя»³, закладывает хорошую основу для изучения творчества Анастасия Синаита — автора, которому даже в западной патрологической литературе уделялось самое незначительное внимание. Большинство из предствленных в том сочинений публикуется впервые. Из них только треть «Слово» в «Патрологии» Мия (PG. 89, 1152—1189) было издано среди творений этого византийского автора. Первое «Слово» считалось принадлежащим Григорию Нисскому и вошло в соответствующий том «Патрологии» (PG. 44, 1328—1345); кстати сказать, в старых работах, посвященных каппадокийскому мыслителю, на основе подобной неверной атрибуции часто делались неправильные выводы относительно учения его⁴. Второе «Слово об устройении человека», «Флорилегий против монофелитов» и шесть «Глав против монофелитов» впервые увидели свет благодаря кропотливым трудам К. Х. Утеманна. Все эти сочинения являются интереснейшими свидетельствами, позволяющими нам ощутить внутреннюю атмосферу монофелитских споров того периода в истории Византии, который еще во многом закрыт для нашей науки.

Второй том подготовлен английским ученым И. Мунитцем. Согласно общим принципам издания всей серии, он также предваряется введением, посвященным рукописной традиции. Как указывает И. Мунитц, публикуемые сочинения Никифора Влеммида полностью сохранились в двух рукописях: *Holkham graecus 71* и *Monacensis graecus 225*. Первая из них представляет собой копию с автографа самого Никифора, сделанную в Константинополе примерно в конце XIII в.: вторая, послужившая основой *editio princeps* А. Хайзенберга, датируется началом XIV в. Кроме того, И. Мунитц дает краткую характеристику еще 7 манускриптам, в которых указанные произведения Никифора Влеммида представлены лишь частично (С. XI—XXXV). Затем английский ученый выстраивает стемму рукописей и в связи с этим поднимает вопрос о соотношении полных текстов сочинений с выдержками из них.

По мнению И. Мунитца, данные выдержки, возможно, не всегда были «экстрактами» из уже готовых произведений. Не исключается предположение, что в некоторых случаях они представляли то «сырье», которым пользовался Никифор

для написания своей автобиографии (с. XXXVI—XLIII). Далее И. Мунитц касается предшествующих изданий: извлечений из автобиографии Никифора, напечатанных в 1866 г. А. К. Демстрокуполом в «Церковной Библиотеке», и первой публикации всего сочинения А. Хайзенбергом в 1896 г. Объективно оценивая значение труда последнего, И. Мунитц указывает вместе с тем на ряд серьезных недостатков его, ибо немецкий исследователь опирался только на одну рукопись, к тому же трудно поддающуюся дешифровке (с. XLIII—XLVII).

До сих пор классической монографией, освещающей все многогранное творчество Никифора Влеммида, остается книга В. И. Барвинка, которую ее рецензент И. И. Соколов справедливо оценил как «первый в европейской литературе опыт научного исследования об этом замечательном византийском церковном деятеле и ученом XIII в.»⁵. Действительно, В. И. Барвинку удалось воссоздать живой образ личности Никифора Влеммида, оттенить его фоном эпохи, точно и ярко охарактеризовать многосторонний талант этого писателя. Ведь в истории византийской культуры найдется не очень много личностей, которые по своей энциклопедичности и эрудиции, сочности литературного таланта и нравственной высоте могли бы сравниться с Никифором Влеммидом. Ибо, «кажется, не было ни одной области, в которой бы он не был сведущ»⁶. Богослов и философ, историк и политолог, натурофилософ и поэт органично сочетались в едином облике Никифора Влеммида. В его автобиографии содержится немало сведений, «имеющих важное значение для истории Византии XIII в.»⁷. Поэтому критическое издание ее И. Мунитцем, снабженное соответствующим справочным аппаратом, думается, не пройдет мимо внимания византиноведов.

Необходимо отметить определенное оживление интереса к творчеству Никифора Влеммида со стороны западных исследователей. Об этом свидетельствуют две статьи, появившиеся в последнее время. Первая из них, В. Лакнера, касается двух произведений Никифора — «Сокращенной физики» и «Сокращенной логики»; автором статьи высказывается предположение, что существовало два издания их, оставившие следы в рукописной традиции⁸. Во второй статье, принадлежащей уже упоминавшемуся К. Х.

³ *4 nastasi Sinaitae Viae Dux // Corpus Christianorum. series Graeca Turnhout-Brepols, 1981. Vol. 8.*

⁴ См., например: *Мартинов А. Учение св. Григория еп. Нисского о природе человека: (Опыт исследования в области христианской философии IV века). М., 1886. С. 102—110.* Даже сравнительно недавнее исследование православного патролога архимандрита Киприана (Керна) не свободно от подобного недостатка. См.: *Архимандрит Киприан. Антропология Св. Григория Палама. Париж, 1950. С. 152—166.*

⁵ *Соколов И. И. Никифор Влеммид, византийский ученый и церковный деятель XIII века: по поводу исследования В. И. Барвинка. СПб., 1912. С. 1.*

⁶ *Барвинок В. И. Никифор Влеммид и его сочинения. Киев, 1911. С. 71.*

⁷ Там же. С. 229.

⁸ *Lackner W. Die erste Auflage des Physiklehrbuches des Nikephoros Blemmydes // Überlieferungsgeschichtliche Untersuchungen / Hrsg. von F. Paschke. B., 1981. S. 351—364.*

Утеманну, анализируется малоизученный аспект мировоззрения Никифора Влеммида — его теория языка — и делается ряд ценных наблюдений относительно значения его логики в истории средневековой философии⁹. Поэтому остается пожелать, чтобы и наши византинисты и специалисты по истории средневековой философии обратили внимание на столь выдающуюся личность, как Никифор Влеммид.

Наконец, в третьем рецензируемом томе публикуется неизвестный дотоле антииудейский трактат анонимного христианского автора рубежа IX—X вв. Издание его осуществлено М. Остенсом по единственной сохранившейся рукописи (Florentinus Laurentianus Plut. VII.4), которую обычно датировали XI в., но которая, как считает М. Остенс, принадлежит более раннему времени — первой половине X в. (с. XIII—XVI). Издатель отмечает, что, несмотря на свой большой объем, этот трактат обладает четкой композиционной структурой, единством и внутренней связностью своего изложения, хотя он, вероятно, остался незавершенным. Ряд исторических и хронологических деталей, содержащихся в произведении, позволяют М. Остенсу точно датировать его 907/908 г. (с. XVII—XXI).

По мнению издателя, автор данного трактата тождествен неизвестному автору сочинения «Боговедение», использованного впоследствии Евфимием Зигавином (Зигадином) в его известной компиляции *Panoplia dogmatica*. Этому автору принадлежит еще и «Комментарий на Евангелие от Иоанна», опубликованный К. Хансманном¹⁰, — подобную гипотезу М. Остенс подкрепляет достаточно солидной аргументацией (с. XXII—XXXII). Касаясь источников мировоззрения анонима, М. Остенс подчеркивает его обширное и детальное знакомство с Библией; причем автор использовал различные редакции ее. Другая характерная черта трактата — оригинальность и самостоятельность экзегезы; хотя автор и был знаком с предшествующими антииудейскими и экзегетическими произведениями христианских писателей, он отнюдь не был плагиатором.

Специально останапливается М. Остенс на цитатах и аллюзиях в трактате, навеянных сочинениями Иосифа Флавия, и приходит к выводу, что аноним вряд ли имел эти сочинения перед собой; посредствующим звеном здесь были, вероятно, Евсевий Кесарийский и какой-то еще христианский писатель. Высказываясь также предположение, что аноним в оп-

ределенной степени зависит от византийских исторических сочинений Георгия Синкелла, Георгия Амартола и др. (с. XXXIII—XXXIX). В заключение предисловия М. Остенс дает обширное резюме (на французском языке) содержания трактата (с. LVII—LXXX), позволяющее свободно ориентироваться в нем. Необходимо заметить, что подобную практику неплохо было бы ввести и для последующих томов рецензируемой серии. Это бы открыло доступ к ней более широких кругов читателей.

Вновь изданный трактат принадлежит к тому обширнейшему разделу христианской письменности, который представлен самыми различными жанрами (гомиллии, диалоги, поэтические произведения и т. д.) и который, кстати сказать, представлен и в древнерусской книжности («Толковая Палея»). Истоки антииудейской полемики восходят к самому зарождению христианства, когда новая мировая религия сразу же провела четкую разграничительную линию между собой и иудаизмом (особенно в посланиях апостола Павла), хотя еще достаточно долго продолжали существовать такие «пограничные» явления, как иудеохристианство. «Гностический кризис» заставил христианство ясно сформулировать свое понимание соотношения двух «Заветов», которое нашло выражение в известной фразе Августина: «Новый Завет сокрыт в Ветхом, а Ветхий Завет открывается в Новом»¹¹. Чтобы аргументировать подобное понимание, христианские авторы активно использовали инструментарий экзегезы, выдвинув на первый план «духовный смысл» Писания в противоположность «буквальному»¹².

Антииудейская полемика не прекращалась на протяжении всей позднеантичной и средневековой эпохи и в значительной степени определялась социальными и политическими факторами. Например, когда в VII в. иудаизм превратился в значительную политическую силу, вступившую в союз с врагами Византии — персами и арабами, можно наблюдать оживление этой полемики¹³. Следует отметить, что подобного рода литература со стороны сторонников иудаизма составляла совсем незначительный процент¹⁴ — замкнутость иудеев не позволяла им «снисходить» до полемики. С другой стороны, антииудейские сочинения писались, главным образом, не для того, чтобы опровергнуть или обратить иудеев, сколько для того, чтобы внутренне укрепить христианское вероучение. Поэтому письменные дискуссии с иудаизмом уже сравни-

⁹ *Uthemann K. H.* Zur Sprachtheorie des Nikephoros Blemmydes. Bemerkunge zu einem byzantinischen Beitrag zur Geschichte der Logik // *JÖB*. 1984. Bd. 34. S. 123—153.

¹⁰ *Hansmann K.* Ein neuentdeckter Kommentar zum Johannesevangelium. Paderborn, 1930.

¹¹ *Simon M.* Verus Israel. Etude sur les relations entre chretiens et juifs dans l'Empire Romain (135—425). P., 1948. P. 95.

¹² *Ibid.* P. 177.

¹³ *Alexander P. J.* The Patriarch Nicephorus of Constantinople. Ecclesiastical Policy and Image Worship in the Byzantine Empire. Oxford, 1958. P. 30—31.

¹⁴ *Schreckenbergh H.* Die christlich Adversus-Judaeos-Texte und ihr literarisches und historisches Umfeld (1. — 11 Jh.). Frankfurt a. Main; Bern, 1982. S. 34.

тельно рано приобрели «ирреальные черты», ибо подлинные оппоненты и истинная аргументация их практически отсутствовали¹⁵.

Наконец, характерной особенностью данной полемики была умеренность — христианский «антииудаизм» в период поздней античности и средневековья нельзя путать с антисемитизмом, возникшим вне или на периферии христианства¹⁶. Более того, они исходили из различных принципиальных установок: для «антииудаизма» одиозен не еврей, как носитель некоей дурной расовой природы, а лишь его отказ принять истину христианства, его вера, представляющая с христианской точки зрения полное «неверие». Все эти черты антииудейской полемики можно проследить в трактате, изданном М. Остенсом, который позволяет нам лучше постигнуть еще один немаловажный аспект социально-политической и культурной истории Византии.

В заключение хотелось бы сказать, что рецензируемая серия является, на наш

взгляд, свидетельством того, как столь классическая отрасль византиноведения и патристики (издание источников) вновь выдвигается логикой развития науки на передний план. Почтенные и достойные всякого уважения, но устаревшие издания типа «Патрологии» Миня уже не могут удовлетворять возросшим требованиям специалистов и до некоторой степени просто тормозят прогресс медиэвистики. Поэтому весьма достохвальным представляется начатый покойным М. Рижаром выпуск греческой серии *Congrus Christianorum*, к которой привлечены лучшие научные силы Запада. Вызывает сожаление тот факт, что тома данной серии не поступают в наши библиотеки. Отделам комплектования их следовало бы более гибко реагировать на насущные нужды нашей медиэвистики, консультироваться со специалистами и учитывать их требования. Это позволило бы более рационально использовать выделяемый валютный фонд.

А. И. Сидоров

Albert G. Götten in Konstantinopel. Untersuchungen zur oströmischen Geschichte um das Jahr 400 n. Chr. // Studien zur Geschichte und Kultur des Altertums. Neue Folge. Paderborn; München; Wien; Zürich, 1984. Reihe 1. Bd. 2. 211 S.

Значимость событий, разыгравшихся на политической арене Византии в последние годы IV в., представляется несомненной. Достаточно напомнить, что в обобщающем труде советских византистов неудача военачальника гота Гайны в овладении Константинополем оценивается как факт, влияющий на периодизацию развития империи¹. Серьезность этих событий подчеркнута и в рецензируемом труде молодого западногерманского историка Г. Альберта. Правда определяются они иначе. «С государственным переворотом Гайны, с развитием, которое к нему привело, и с его последствиями восточная pars imperii пережила внутренний кризис — первый такого рода с 395 г. и одновременно, первый, который она перенесла целиком внутри своей собственной сферы. . .» (с. 14; ср. с. 182).

В чем заключается, по Альберту, данный кризис или «die Gainas-Krise» (с. 17), я попытаюсь показать ниже. Пока же отмечу, что исследователь аргументированно полемизирует с теми антиковедами (особенно с Э. Демужо), которые увязывали события 399—400 гг. в Византии с вмешательством в ее дела Миланского двора, с политикой Стилихона (с. 18—19, 143)².

Альберт довольно решительно расходится и с теми западными историками, кото-

рые видели в исходе политической борьбы конца IV в. не просто победу «антигерманизма», но и корни «будущего дуализма Европы в религиозной, культурной и, наконец, в политической сфере». «одно из самых роковых решений мировой истории»³. В то же время очень внимательное отношение исследователя к трудам своих предшественников серьезно лимитировано незнанием работ русских дореволюционных и советских специалистов.

Цель монографии сформулирована как «исследование отдельных, до сих пор не выясненных или не принятых во внимание» вопросов, относящихся к теме (с. 17). Поводом к такого рода разбору служит прежде всего сомнение Г. Альберта в восходящей к О. Зеэку концепции о «национально-римской» реакции на преобладание варваров в армии, — реакции, побудившей Гайну к перевороту.

Монография разделена на три большие главы, охватывающие три, по мнению автора, самостоятельные, хотя и взаимосвязанные проблемы. Первая глава (с. 23—85) посвящена анализу политической борьбы в Константинополе (при дворе и на уровне высших должностей) накануне и в ходе движения Гайны. Вторая — положению и действиям Трибигильда, Гайны и стоявших за ними сил

¹⁵ Ibid. S. 16, 564.

¹⁶ Ibid. S. 31, 565.

¹ История Византии. М., 1967. Т. 1. С. 182, 183. По мнению М. Я. Сюзюмова, автора данного раздела, «июльские дни 400 г. в Константинополе явились решающим поворотом в судьбах Византии — вестготам не удалось создать на ее месте варварское королевство завоевателей». См. Там же. С. 183.

² См. также: *Albert G. Stilicho und der Hunnenfeldzug des Eutropius // Chiron. 1979. Bd. 9. S. 641—645.*

³ *Schenk von Stauffenberg A. Das Imperium und die Völkerwanderung. München, (ohne Jahr). S. 104.*